

Кагаров Евгений Георгиевич

**Прошлое и настоящее
египтологии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Е14

Е14 **Евгений Георгиевич К.**
Прошлое и настоящее египтологии / Кагаров Евгений Георгиевич – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 109 с.

ISBN 978-5-519-87536-3

ISBN 978-5-519-87536-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Прошлое и настоящее египтологін.

I.

Шампольонъ и дешифровка іероглифовъ.

Начало египтологін, какъ науки, навсегда останется связаннымъ съ Наполеоновскою экспедиціей и находкой Розеттскаго камня. Правда, и прежде дѣлались попытки переводить египетскія надписи. Но эти попытки носили, конечно, совершенно фантастическій характеръ. Такъ, ученый іезуитъ XVII-го вѣка о. Аѳанасій Кирхеръ истолковывалъ семь іероглифовъ, передающихъ греческое слово *αὐτοκράτορ*, слѣдующимъ образомъ: *Osiris foecunditatis auctor est, cuius generationis facultatem e coelo in suum regnum sacer Mophtha trahit* (т. е. „Осирисъ—создатель плодородія, производительную способность котораго призываетъ съ неба въ свое царство святой Моффа“). Впрочемъ, нѣкоторымъ ученымъ XVII-го и XVIII-го вв. принадлежатъ совершенно правильныя наблюденія въ этой области. Такъ, этотъ же самый Кирхеръ высказалъ вполне правильную мысль о родствѣ коптскаго языка съ древне-египетскимъ. А датскій археологъ Георгъ Зоэга ¹⁾ въ книгѣ *De origine et usu obeliscorum* сдѣлалъ въ высшей степени важное наблюденіе, что такъ наз. картуши, т. е. овалы, окружающіе иногда іероглифы, заключаютъ въ себѣ царскія имена. Тѣмъ не менѣе, первый толчокъ развитію египтологін, какъ самостоятельной науки, данъ былъ неожиданной находкой такъ называемаго Розеттскаго камня. Какъ извѣстно, въ августѣ 1799 г. при копаніи шанцевъ у форта

¹⁾ Зоэга О немъ см. нынѣ А. В. Drachmann, *Udvalgte Afhandlinger*, Kjöbenhavn og Kristiania 1911, стр. 215—231; у насъ неправильно пишутъ *Цоэга*: вѣдн. это датскій ученый, хотя и итальянскаго происхожденія.

St. Julien близъ Розетты инженеромъ Бушаромъ (Bouchard) найдена была плита изъ темнаго базальта, на которой начертана была надпись на трехъ языкахъ—древне-египетскомъ (іероглифами), демотическомъ и греческомъ. Заключительныя слова греческаго текста *τοῖς δὲ ἱεροῖς καὶ ἑγγυρίοις καὶ ἑλλησποῖς γράμματα* ясно свидѣтельствовали о томъ, что помѣщенные выше его на камнѣ два непонятныхъ текста содержали въ себѣ то же постановленіе жрецовъ въ честь юнаго царя Птолемея V Эпифана 196 г. до Р. Хр., которое начертано было греческими письменами. Послѣ капитуляціи Александріи и очищенія французами Египта Розеттская надпись попала, вмѣсто Лувра, въ Британскій музей, и ученые различныхъ національностей наперерывъ старались разгадать тайну непонятныхъ знаковъ при помощи вполне понятнаго греческаго перевода текста. Много дѣлалось предположеній, много выставлялось догадокъ, то фантастическихъ, то вполне правильныхъ, а многовѣковая загадка все еще ждала своего Эдипа, пока, наконецъ, гениальный французъ Франсуа Шампольонъ не нашелъ ключа къ чтенію іероглифовъ.

Жизнь и научная дѣятельность Шампольона выяснились для насъ во всей полнотѣ лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда появилась первая обширная біографія этого замѣчательнаго человѣка, въ 2-хъ томахъ, составленная нѣмецкой писательницей Герминой Гартлебенъ на основаніи цѣлаго ряда неопубликованныхъ матеріаловъ. По справедливому замѣчанію англійскаго историка *Googh*'а, въ лѣтописяхъ науки нѣтъ болѣе удивительной страницы, чѣмъ короткая карьера этого гениальнаго человѣка ¹⁾.

Жанъ Франсуа Шампольонъ родился 23 декабря 1790 года (нов. ст.) въ небольшомъ городкѣ Фижакѣ (Figeac) департамента Ло (département du Lot) на югѣ Франціи, въ семьѣ зажиточнаго книгопродавца. Первые годы дѣтства Шампольона совпали съ Великой революціей и омрачены были кровавыми сценами и ужасами террора. Къ этому времени относится одинъ эпизодъ, который надолго сохранился въ памяти Шампольона, и который прекрасно характеризуетъ будущаго борца за истину и справедливость. Однажды, когда во всей Фран-

¹⁾ *G. P. Googh, History and Historians in the nineteenth Century, London 1913, стр. 497.*

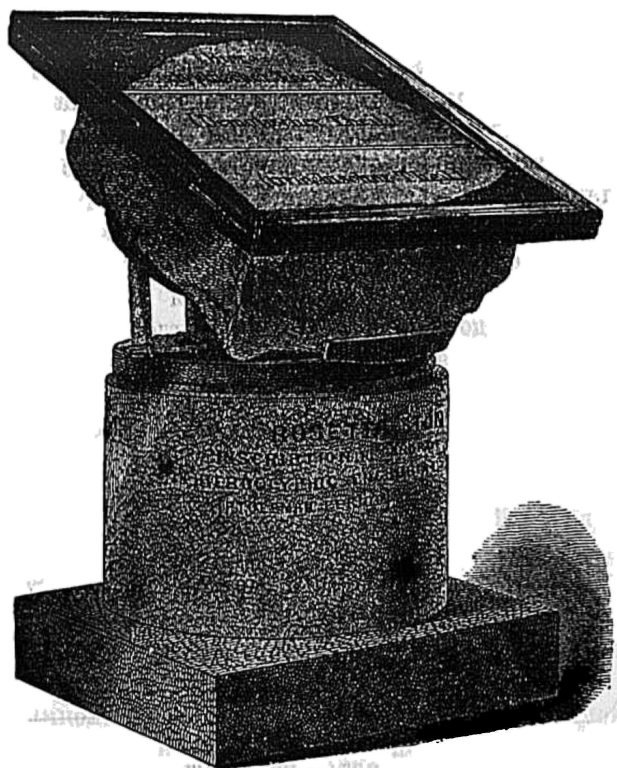

Рис. 1. Розеттский камень.

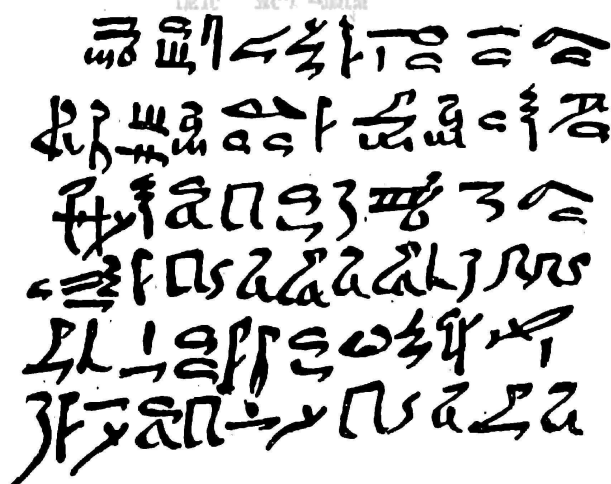

Рис. 2. Образец коптического письма.

ции провозглашена уже была республика, онъ проходилъ, вмѣстѣ со своею матерью, мимо одного дома, на порогѣ котораго сидѣлъ нищій, протягивавшій прохожимъ свою дырявую шляпу съ просьбой о милостынѣ. Стараясь не задѣть ногъ старика, маленькій Франсуа только что успѣлъ опустить въ шляпу мелкую монету, какъ вдругъ одинъ изъ вожakovъ революціонной партіи, приблизившись къ слѣпцу, ударомъ палки заставилъ его подняться и уступить дорогу. Въ порывѣ негодованія ребенокъ бросился на незнакомца со словами: „Гадкая палка! Ты слушаешься этого злого чelовѣка, вмѣсто того, чтобы отколотить его самого“ (Vilaine canne, tu obéis à ce méchant homme que tu devrais plutôt ros-

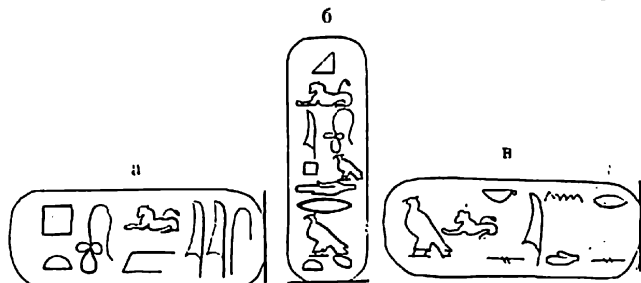

Рис. 3.

ser!).— „Гражданка“, сказалъ якобинецъ растерявшейся отъ неожиданности матери: „подрѣжьте клювъ и когти своему птенцу (oisillon), чтобы этого не пришлось сдѣлать другимъ!“¹⁾

Еще ребенкомъ Шампольонъ любилъ забираться въ книжный магазинъ отца съ бумагой и карандашемъ въ рукахъ, срисовывать тамъ печатныя буквы и набрасывать еще слабою, неувѣренною рукой различные рисунки. Согласно преданію, онъ самъ, безъ посторонней помощи, научился читать и писать, сравнивая заученныя имъ съ помощью матери мѣста изъ Служебника съ текстомъ книги; въ виду этого, уже весною 1797 года старшій братъ его Жакъ Жозефъ началъ систематически заниматься съ мальчикомъ, въ гениальность котораго вѣрила вся семья²⁾. Но занятія эти вскорѣ были прерваны вслѣдствіе вновь наступившихъ смутъ въ странѣ. Въ ноябрѣ 1798 г. мальчикъ отданъ былъ въ школу, но ока-

¹⁾ H. Hartleben, Champollion, sein Leben und sein Werk I (Berlin 1906), стр. 12—13

²⁾ H. Hartleben, I, стр. 14—15.

зался плохимъ ученикомъ, особенно неспособнымъ къ арифметикѣ; убѣдившись въ непримѣяемости педагогическаго шаблона къ гениальному ребенку, старый каноникъ Домъ Calmet рѣшилъ взять на себя руководство умственнымъ развитіемъ маленькаго Франсуа; онъ раскрывалъ передъ нимъ, во время прогулокъ, тайны окружающей природы и едва успѣвалъ удовлетворять любознательность мальчика. Игръ со своими сверстниками Франсуа избѣгалъ, посвящая все свободное время чтенію Гомера и Виргилія въ подлинникъ: не зная еще хорошенько ни латинскаго, ни греческаго языка, десятилѣтній мальчикъ наслаждался музыкальностью стиховъ ¹⁾. Въ мартѣ 1801 г. нѣжно любившій его старшій братъ Жакъ Жозефъ взялъ мальчика къ себѣ въ Гренобль, главный городъ департамента Изеры (département de l'Isère), чтобы дать ему возможность продолжать образованіе. Въ Греноблѣ Франсуа посѣщалъ частное училище аббата Дюссера (Dusser) и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поступилъ въ центральную школу. Но мысли мальчика направлены были въ иную сторону: онъ мечталъ о томъ, чего не находилъ въ учебникахъ,—объ установленіи точной хронологіи древнѣйшихъ народовъ. Съ этою цѣлью Шампольонъ ревностно принимается за изученіе еврейскаго языка, чтобы имѣть возможность читать книги Ветхаго Завѣта въ подлинникъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увлекается греческими и римскими писателями. Однажды Жакъ Жозефъ засталъ младшаго брата за слѣдующимъ занятіемъ: вырвавъ изъ Геродота, Страбона, Діодора, Плинія и Плутарха всѣ страницы, содержащія упоминаніе о древнемъ Египтѣ, и расположивъ эти листки передъ собою, мальчикъ весь погрузился въ ихъ сравненіе и изученіе, и только изумленное восклицаніе брата вывело его изъ забытья ²⁾. Вскорѣ старшій братъ рѣшилъ Франсуа приступить, наряду съ занятіями древне-еврейской грамматикой, къ изученію трехъ другихъ семитическихъ языковъ: арабскаго, сирійскаго и халдейскаго. Но необыкновенная пытливость маленькаго Шампольона не останавливается на этомъ: раздобывъ гдѣ-то словарь китайскаго языка, онъ начинаетъ сравнивать китайскія письма съ египетскими и, не зная ничего о тео-

¹⁾ *H. Hartleben*, I, стр. 23.

²⁾ *H. Hartleben*, I, стр. 38.

ріяхъ Дегиня (Deguignes), Бартелеми и др., съ дѣтскою самоувѣренностью доказываетъ происхожденіе египетскихъ іероглифовъ изъ китайскаго письма. Онъ пробуетъ даже прочесть, съ помощью перевода китайскаго текста, египетскія письма 1). Наряду съ ревностнымъ изученіемъ языковъ, Франсуа не переставалъ интересоваться исторіей и міеологіей древнихъ народовъ: онъ даже написалъ небольшое, но совершенно самостоятельное сочиненіе, посвященное сказанію о великанахъ (*Remarques sur la fable des géants*), сочиненіе, которое Шампольонъ впоследствии назвалъ своею первою глупостью (*ma première bêtise*).

Въ ноябрѣ 1804 года въ Греноблѣ былъ открытъ лицей, одинъ изъ тѣхъ лицеевъ съ строгимъ интернатомъ и чисто-военною дисциплиною, которые учреждались во Франціи декретомъ Наполеона отъ 16 флореаля XI-го года по республиканскому календарю (6 мая 1803 г.). Для Франсуа настало тяжелое время: его письма къ брату изъ лицея, куда мальчикъ долженъ былъ перейти, полны самыхъ искреннихъ жалобъ. Онъ умолялъ брата взять его изъ „этой тюрьмы“, гдѣ ему не давали возможности заниматься интересовавшей его работой. Дѣло въ томъ, что въ ту пору мальчикъ страстно увлекся коптскимъ языкомъ, на родство котораго съ древне-египетскимъ указывали уже многіе европейскіе ученые. И вотъ, Франсуа съ жаромъ отдался изученію коптской грамматики, урывая для этого ночные часы 2). Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ рѣшилъ приступить къ изученію эіопскаго языка, какъ одного изъ живыхъ языковъ современнаго Египта. Въ лицей же Франсуа написалъ рядъ замѣтокъ па темы по ветхозавѣтной литературѣ и исторіи Египта. Въ концѣ 1806 г. юный Шампольонъ приступилъ къ составленію давно задуманнаго имъ Географическаго словаря Востока (на арабскомъ языкѣ), а также Исторіи Египта при фараонахъ. Сознвая необходимость близкаго знакомства съ научною литературой европейскихъ культурныхъ народовъ, Шампольонъ стремится овладѣть итальянскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками 3).

1) *H. Hartleben*, I, стр. 40.

2) *H. Hartleben*, I, стр. 49.

3) *H. Hartleben*, I, стр. 60.

Въ августѣ 1807 г. Шампольонъ окончилъ курсъ лица. Спустя нѣсколько дней онъ представилъ Гренобльской Академіи Наукъ составленную имъ географическую карту Египта и прочелъ Введение къ своему большому труду. Пораженное гениальностью юноши, собраніе единогласно постановило немедленно избрать его въ члены Академіи ¹⁾. Передъ семнадцатилѣтнимъ юношей раскрывались широкія перспективы научной работы въ столицѣ. Уже въ сентябрѣ того же года Франсуа Шампольонъ, вмѣстѣ со своимъ старшимъ братомъ, отправился въ Парижъ.

Парижъ былъ въ то время крупнѣйшимъ центромъ умственной жизни. Онъ блисталъ такимъ созвѣздіемъ великихъ ученыхъ, какимъ не могъ похвалиться ни одинъ городъ въ Европѣ. Сюда, въ эту „столицу міра“, стремились молодые ученые изъ всѣхъ странъ, чтобы достойнымъ образомъ завершить свое образованіе. Подобно другимъ наукамъ, востоковѣдѣніе достигло въ Франціи пышнаго расцвѣта. Тотчасъ же по прибытіи въ Парижъ, Шампольонъ посѣтилъ двухъ выдающихся оріенталистовъ того времени—Сильвестра де Саси (de Sacy) и Луи Матьё Ланглэ (Langlès) и съ новымъ жаромъ принялся за научныя занятія, въ которыхъ старался заглушить тоску по родинѣ и близкимъ. Въ Парижской Библіотекѣ (называвшейся, смотря по государственному строю Франціи, королевскою, императорскою и національною) Шампольонъ нашелъ большое количество коптскихъ рукописей, которыя и привлекли особенное вниманіе юнаго изслѣдователя. Изученіе этихъ рукописей доставило ему богатый матеріалъ для дальнѣйшей обработки „Географіи Египта“, которую онъ намѣренъ былъ предпослать своему обширному труду: „Египетъ при фараонахъ“. Матеріальное положеніе Шампольона было въ ту пору тяжело, несмотря на постоянную помощь со стороны старшаго брата ²⁾. Въ Парижѣ Шампольонъ изучалъ санскритъ, зендъ, пехльви, писалъ сочиненія на различныя, интересовавшія его темы, напр., объ именахъ музыкальных инструментовъ у евреевъ, халдейцевъ, арабовъ, сирійцевъ и эіоповъ, объ еврейской пумизматикѣ и др. При этомъ, онъ не упускалъ изъ виду и

¹⁾ Н. Hartleben, I, стр. 60.

²⁾ Н. Hartleben, I, стр. 95, 113.

главной цѣли всей своей жизни, дешифровки египетскихъ іероглифовъ. Къ этому же времени относится появленіе перваго печатнаго труда будущаго основателя египтологіи, а именно замѣтки по поводу статьи Купэ (Courré) о Египтѣ ¹⁾).

Но вотъ студенческіе годы (сентябрь 1807—октябрь 1809) окончились, и въ жизни Шампольона наступилъ новый періодъ. Восемнадцатилѣтній юноша назначенъ былъ адъюнктъ-профессоромъ Гренобльскаго университета по кафедрѣ исторіи. Какъ Жозефъ, называвшій себя, въ отличіе отъ младшаго брата, Фижакомъ (Champollion Figeac), также получилъ къ тому времени профессуру греческой словесности и секретарство на историко-филологическомъ факультетѣ (Faculté des lettres) въ Греноблѣ. Это обстоятельство не замедлило доставить обоимъ братьямъ много враговъ. Между тѣмъ молодой ученый ревностно продолжалъ работать надъ своимъ обширнымъ трудомъ о Египтѣ временъ фараоновъ и въ сентябрѣ 1810 г. приступилъ къ печатанію первой части (географіи Египта). По настоянію брата, Шампольонъ разослалъ различнымъ учрежденіямъ и отдѣльнымъ ученымъ тридцать отисковъ „Введенія“ къ своему труду, чтобы, въ виду появленія книги Катрмера аналогичнаго содержанія, предупредить всякую возможность обвиненія въ плагиатѣ. 7-го августа 1810 г. Шампольонъ прочиталъ въ засѣданіи Академіи докладъ о древне-египетскомъ письмѣ, докладъ, заключавшій въ себѣ, наряду съ ошибочными утвержденіями, и нѣсколько тонкихъ наблюденій и правильныхъ выводовъ ²⁾. 13-го августа 1811 г. юный академикъ прочелъ докладъ о Нилѣ, его рукавахъ и ихъ наименованіяхъ въ древности, 5-го сентября—рефератъ о каталогѣ коптскихъ рукописей, составленномъ Созогомъ. Въ февралѣ 1812 г. старшій Шампольонъ былъ назначенъ директоромъ городской бібліотеки, а младшій—его ассистентомъ, что дало ихъ врагамъ еще больше поводовъ для всевозможныхъ преслѣдованій. Между тѣмъ, Франсуа усердно изучалъ первый томъ текстовъ и таблицъ знаменитаго *Description de l'Égypte* (плода Наполеоновской экспедиціи въ Египетъ)

¹⁾ Эта замѣтка помѣщена была въ журналѣ *Annales du Departem. de l'Isère* отъ 17 іюля 1808 г. и подписана инициалами: J. Fr. C. (*Hartleben*, I, стр. 117).

²⁾ *H. Hartleben*, I, стр. 151 сл.

и подготовлялъ къ печати рядъ новыхъ изслѣдованій. Въ 1814 г. появилось, наконецъ, его двухтомное сочиненіе: „L'Egypte sous les Pharaons“. Но его занятія вскорѣ снова были прерваны бурными днями паденія Наполеона и оккупациі страны союзническими войсками. Но вотъ геніальный полководецъ неожиданно высадился во Франціи. 8-го марта 1815 г. Шампольонъ вмѣстѣ съ прочими членами факультета былъ представленъ Бонапарту, который встрѣтилъ молодого ученаго очень ласково. Старшій братъ, приглашенный Наполеономъ въ личные секретари, всецѣло находился подъ обаяніемъ личности этого почти міеологическаго гиганта. Но прошло „сто дней“, и все измѣнилось. Бурбоны снова возвратились въ Тюльери, и новый префектъ, графъ де Монливо (de Montlivaut) сталъ ожесточенно преслѣдовать братьевъ и, въ концѣ концовъ, настоялъ на ссылкѣ ихъ въ гор. Фижакъ. Графъ Бастаръ д' Этанъ (Bastard d' Estang), чрезвычайный полицейскій комиссаръ, давая, въ своей докладной запискѣ министру (отъ 19 марта 1816), характеристику обоимъ братьевъ, писалъ, между прочимъ, что это—крайне безпокойные люди, представляющіе тѣмъ большую опасность, что въ нихъ лицемѣріе соединяется съ значительномъ талантомъ, умомъ и познаніями ¹⁾. 2-го апрѣля 1816 г. братья прибыли въ свой родной городъ, ставшій для нихъ отнынѣ мѣстомъ ссылки. Она продолжалась полтора года (отъ апрѣля 1816 г. до октября 1817 г.).

Въ ихъ старомъ, насиженномъ гнѣздѣ не было уже матери, скончавшейся нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Отецъ давно предоставилъ веденіе дѣлъ старшей дочери Терезѣ, въ то время какъ младшая сестра ея Марія занималась хозяйствомъ; обѣ сестры сходились въ той беззавѣтной привязанности, которою онѣ окружали братьевъ, и которая почти граничила съ культомъ. Первое время изгнанники посвящали составленію жалобъ и протестовъ, оставшихся, впрочемъ, безрезультатными. Ссылка, постигшая Шампольона, неожиданное крушеніе всѣхъ его надеждъ страшно удручали нашего ученаго. А тѣмъ временемъ надъ гренобльскою Библіотекою, по выраженію Франсуа, собиралась уже цѣлая стая голодныхъ коршуновъ, намѣревавшихся захва-

¹⁾ *H. Hartleben*, I, стр. 236, примѣч. 1.

тить должности, занимаемая братьями ¹⁾. Мысли молодого египтолога съ тоской обращались къ Греноблю, гдѣ онъ оставилъ не только всѣ свои научные матеріалы, но и горячо любимую невѣсту, Розину Бланъ ²⁾, кузину своей невѣстки (жены брата); отецъ молодой дѣвушки, богатый фабрикантъ, постоянно попрекалъ свою дочь „ссылнымъ женихомъ“. Чтобы заглушить порывы острой тоски, братья обратились къ педагогической дѣятельности: они устроили народную школу съ ланкастерскимъ методомъ обученія. Вскорѣ изъ Гренобля пришло извѣстіе о томъ, что должность бібліотекаря предана Дюкуану (Ducoin).

Между тѣмъ политическій горизонтъ внутри Франціи сталъ понемногу проясняться: Людовикъ XVIII распустилъ „безподобную“ палату, и вскорѣ, 14 января 1817 г. младшему Шампольону дозволено было проживать въ Греноблѣ (старшій братъ получилъ это разрѣшеніе еще въ ноябрѣ 1816 г.). Но въ Фижакѣ ихъ ожидала еще одна крупная неприятность: разореніе отца ³⁾. Устроивъ кое-какъ финансовыя дѣла, Франсуа Шампольонъ въ октябрѣ 1817 г. вернулся въ Гренобль; старшій братъ еще ранѣе выѣхалъ въ Парижъ.

Наступилъ новый періодъ въ жизни Шампольона, періодъ оживленной педагогической дѣятельности въ Греноблѣ (отъ конца 1817 г. до середины 1821 г.). Онъ посвящалъ весь свой досугъ и всѣ свои силы дѣтямъ, которыя, въ свою очередь, искренно привязались къ своему наставнику и другу. Педагогическая дѣятельность Шампольона вскорѣ прервана была небольшимъ дипломатическимъ порученіемъ, поставившимъ его въ извѣстныя отношенія къ Пьемонту; ему предложена было даже кафедра исторіи и древнихъ языковъ въ Туринѣ; но онъ отклонилъ приглашеніе. Впрочемъ, Шампольонъ вынужденъ былъ вскорѣ принять изъ-за матеріальныхъ соображеній должность преподавателя въ гренобльскомъ Лицеѣ. Но онъ не оставлялъ и своихъ научныхъ занятій, особенно во время лѣтнихъ каникулъ, которыя онъ проводилъ въ Вифѣ (Vif). 30-го декабря 1818 г. состоялась свадьба обру-

¹⁾ *H. Hartleben*, I, стр. 144.

²⁾ Она родилась въ 1794 г., т. е. была на четыре года моложе своего жениха.

³⁾ *H. Hartleben*, I, стр. 259 слл.